

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ С НЕРАВНОЦЕННЫМ ВСТРЕЧНЫМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ

SOME PROBLEMS OF RECOGNIZING VOID TRANSACTIONS MADE WITH UNEQUAL COUNTER PROVISION

V. Nuzhdaeva

Summary. Inequivalence of provision during the execution of a transaction arises in the case of non-equivalence of the benefits provided by one of the parties in an exchange transaction. The purpose of this work is to analyze some of the existing problems of invalidating transactions that are made with unequal counter provision.

Keywords: transaction, disparity, obligation, contestation of transactions.

Нуждаева Валерия Васильевна

Практикующий юрист
nuzhdaeva.valerya@yandex.ru

Аннотация. Неравноценность предоставления при исполнении сделки возникает в случае неэквивалентности благ, предоставляемых одной из сторон по меновой сделке. Целью данной работы является анализ некоторых из существующих проблем признания недействительными сделок, которые совершены с неравноценным встречным предоставлением.

Ключевые слова: сделка, неравноценность, обязательство, оспаривание сделок.

Понятие неравноценного встречного предоставления

Категория встречного предоставления в гражданском праве носит отнюдь не схоластический характер, однако в отечественном законодательстве упоминается исключительно в контексте оспаривания сделок по основаниям, установленным Законом о банкротстве [1]. Тем не менее, на практике широко распространены двусторонние меновые соглашения, предполагающие неравноценное встречное предоставление, чему способствует либерализация экономических отношений, а также усиление автономии воли сторон и их самостоятельности в определении условий договора.

Идея судебного контроля за регулированием размера справедливого предоставления по сделке возникла достаточно давно. А.Г. Карапетов отмечает, что те или иные ограничения, вводимые средневековыми правителями с целью установления контроля за справедливым размером встречного предоставления, имели, в первую очередь, политико-правовое основание, и зачастую представляли собой императивное указание минимально и максимально допустимых цен по отношению к определенной категории товаров, работ или услуг [2]. Одним из первых правил, говоривших о необходимости справедливого встречного предоставления, является норма *Corpus Juris Civilis* о праве расторже-

ния договора купли-продажи недвижимого имущества по чрезмерно несправедливой цене [3]. Таким образом, уже в позднем римском праве большое значение приобрел объективный стандарт справедливости (справедливого предоставления), который по определению не мог зависеть от договоренности сторон.

Ученые цивилисты утверждают, что в судебных решениях и в науке эквивалентность обязательств рассматривается как общее требование взаимной справедливости и прослеживается стремление всеми способами его учитывать [4]. Для этих целей следует четко понимать, что представляет собой эквивалентность и где ее наличие строго обязательно.

Профессор А.А. Симолин выделяет две теории эквивалентности — в первой (теория объективной эквивалентности) принимается в расчет исключительно сопоставление рыночной цены предоставления с тем, что было реально передано; во-второй (теории субъективной эквивалентности) сделка признается равноценной, если стороны субъективно считают ее равноценной вне соотношения с рыночной стоимостью предоставленного [5]. Зачастую юристы не признают существование объективной эквивалентности в силу относительно недавнего ренессанса теории субъективной стоимости (*subjective theory of value*). Тем не менее, именно кратная разница между реальным предоставлением и среднерыночной стоимостью соответствующих объ-

ектов допускает возможность квалификации контракта в качестве сделки с чрезмерным ущербом (например, как в случае с кабальной сделкой). При этом практика не знакома с понятием «субъективной эквивалентности», поэтому для квалификации и последующего признания недействительными сделок с неравноценным встречным предоставлением принимается во внимание исключительно объективная эквивалентность.

Вопреки уже сказанному, в большинстве современных правопорядков отсутствует законодательно установленный порог несоответствия. Это может быть связано, во-первых, с тем, что не всегда можно провести параллель между той стоимостью, по которой произошло отчуждение и рыночной стоимостью предоставленного, ввиду отсутствия аналогов передаваемого объекта или особыми сложностями в оценке такого объекта (например, при отчуждении права на РИД). Во-вторых, установление универсального критерия несоответствия (кратности несоответствия) может не охватить все случаи неравноценности, не учесть нюансы отдельных договорных конструкций, ввиду чего стандарт справедливости коммерческого обмена не будет соблюден.

Представляется, что наиболее рациональным решением данной проблемы могли бы стать судебные разъяснения, включающие в себя ориентиры определения планки равноценности применительно к каждой договорной конструкции. Формулирование абстрактных разъяснений (речь идет о применении доктрины *laesio enormis*) или реформа ГК РФ в рассматриваемой части едва ли станут эффективным средством в борьбе с чрезмерно невыгодными условиями, что подтверждается германским опытом [6].

Кроме того, данные разъяснения могли бы упорядочить практику признания недействительными неравноценных сделок в том числе вне процедуры банкротства. Предлагаем рассмотреть действующие механизмы оспаривания неравноценных сделок.

Оспаривание кабальных сделок

В праве Германии сделки с экономическим принуждением относятся к категории сделок, противоречащих добрым нравам. В частности, к таким сделкам ГГУ относит ростовщичество в форме дачи денег под проценты, а также заклад вещей [7]. В отечественном законодательстве кабальные сделки регулируются п. 3 ст. 179 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ), что, однако не исключает применение к ним для целей оспаривания ст. 169 ГК РФ (Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности). Однако подобную практи-

ку нельзя считать распространенной, поскольку норма о недействительности сделок, противной основам правопорядка и нравственности применяется крайне осторожно. Пункт 3 ст. 179 ГК РФ в целом воспроизводит параграф 138 ГГУ, который трактует «крайнюю невыгодность» слишком широко и допускает ничтожность таких сделок. Тем не менее, в отечественном праве результатом признания недействительными рассматриваемых сделок является оспоримость, а не ничтожность, что обосновано критикуется многими цивилистами ввиду наличия отрицательного эффекта в отношении пострадавшей стороны.

Квалифицирующими признаками кабальной сделки являются отсутствие экономической выгоды, необходимость заключения сделки ввиду стечения тяжелых обстоятельств, недобросовестное использование этих обстоятельств другой стороной отношения [8].

Возникает несколько вопросов — что такое «стечение тяжелых обстоятельств» и сколько их должно быть (1); что понимается под отсутствием экономической выгоды (крайняя невыгодность) (2), и как соотносятся нормы о добросовестности (ст. 10 ГК РФ) с «недобросовестным использованием» (ст. 179 ГК РФ) (3)?

1. На настоящий момент не сложилось устойчивое понимание того, какие обстоятельства можно признавать тяжелыми в понимании ст. 179 ГК РФ, суды крайне не скупы на дачу разъяснений в этой части. В доктрине также отсутствует однозначная трактовка и состав таких обстоятельств. К.И. Скловский указывает, что «стечение» обстоятельств должно быть непрогнозируемым, нестандартным и непредвиденным [9]. Кроме того, обстоятельства необходимо дифференцировать в зависимости от субъекта оспаривания [10]. Достаточно неоднозначно трактуется предбанкротное состояние субъекта в контексте ст. 179 ГК РФ. Это связано в первую очередь с тем, что институт конкурса носит реабилитационную направленность и имеет самоцелью восстановление платежеспособности должника. Кроме того, подаче заявления о признании должника несостоятельным может и должны предшествовать досудебные мероприятия, направленные на недопущение наступления обстоятельств для признания субъекта несостоятельным (санация и т.д.) и в целом данные обстоятельства охватываются рисками осуществления предпринимательской деятельности. Для граждан обстоятельства, признаваемые тяжелыми в контексте ст. 179 ГК РФ трактуются более широко и под ними может пониматься болезнь, необходимость покупки дорогостоящих лекарственных средств. Зачастую такое состояние может быть не связано с физическим состоянием самого потерпевшего (так, если речь идет о близком родственнике) [11].

Таким образом, понятие «стечение тяжелых обстоятельств» не имеет универсального состава и на практике необходимо доказывать и обосновывать каждое из них применительно к обстоятельствам конкретного дела.

2. Чрезмерную невыгодность сделки не следует определять слишком узко для квалификации спорных правоотношений, поскольку в данном случае речь может идти о несправедливых условиях сделки в целом. Данный аспект кабальных сделок в большинстве случаев адекватно воспринимается судами; при отказе в признании сделки недействительной, суды делают указание на то, что невыгодность сделки не является самостоятельным основанием для признания ее недействительной по п. 3 ст. 179 ГК [12].

В литературе высказывается мнение относительно необходимости законодательного закрепления какого-либо кратного «показателя» невыгодности. Д.Д. Савранская проанализировав широкий пласт иностранной практики применения норм о чрезмерно невыгодных сделках, сделала вывод о том, что *даже* германская практика не смогла выработать критерий кратности, превышение которого влечет «явное несоответствие» [13]. Поэтому было бы неверным закреплять подобный «универсальный» элемент состава кабальных сделок в ГК РФ, поскольку практика пока знает такое критерия, а его искусственное создание не решит существующую проблему; в противном случае будут дезориентированы суды и нанесен непоправимый удар субъектам, которые, к примеру, профессионально занимаются выдачей срочных необеспеченных займов. Кроме того, не будет достигнута конечная цель, на которую направлена норма, а именно обеспечение равенства субъектов договорных отношений и встречного предоставления по сделке.

3. И наконец, как следует соотносить нормы и добросовестности, изложенные в ст. 10 ГК РФ и сформулированное в ст. 179 ГК РФ положение о «недобросовестном использовании»?

Для ответа на данный вопрос углубимся в фундаментальное понятие добросовестности в гражданском праве. В юриспруденции термин «добросовестность» принято употреблять в субъективном и объективном смысле. В первом случае мы понимаем под добросовестностью «извинительное незнание лица о тех или иных обстоятельствах» [14], которые в разной степени имеют влияние на достижение субъектом желаемого результата. В законодательно закрепленных случаях субъективная добросовестность охраняется и, лицу, не знающему об отдельных обстоятельствах позволяется прийти к намеченному результату, что было бы

невозможно в рамках «строгого права» (приобретение права залога добросовестным залогодержателем (ст. 335 ГК РФ); возможность признания недействительным оговорки о переводе прав и обязанностей по договору (ст. 562 ГК РФ) и так далее). Объективная добросовестность или так называемая «подразумеваемая добросовестность» основана на юридическом равенстве участников оборота и равных требованиях, выдвигаемых законодателем к их действиям. Данный принцип формально введен в законодательство в марте 2013 г. и по аналогии с зарубежной практикой (Германия, Швейцария) является инструментом развития и модернизации законодательства.

Очевидно, что российское право для признания сделок кабальными использует субъективную теорию добросовестности. Однако на практике необходимость такого доказывания вызывает огромное количество проблем. Понимание этого вынуждает пострадавшую сторону обращаться к ст. 10 ГК РФ для обоснования собственных требований [15]. Кроме того, квалификация сделки по ст. 10 ГК РФ может произойти и по инициативе суда.

В германском праве данная проблема решена посредством выработки отдельного состава так называемых квазикабальных сделок, который имеет отдельный предмет доказывания и состав с конкретным наполнением.

Таким образом, возможность оспаривания сделок с кабальными условиями ставится в зависимость от доказывания большого количества обстоятельств, составляющих юридический состав данного вида сделок. Представляется, что именно этим фактором обусловлена низкая вероятность такого оспаривания, что подтверждается крайне немногочисленной практикой.

Неравноценное встречное предоставление как нарушение требований закона

Практика применения ст.ст. 10, 168 ГК РФ в целях признания сделок недействительными не только гораздо обширнее практики применения п. 3 ст. 179 ГК РФ, но и, несомненно, более эффективна, в особенности, во внеконкурсном оспаривании сделок (общегражданском оспаривании). Практика применения данной связки норм зачастую наполнена некоторым количеством злоупотреблений. Представляется, что такое положение вещей может быть связано с желанием недобросовестных субъектов оспаривания получить побочный процессуальный эффект в виде увеличенного срока исковой давности. Во многом этому способствует возможность оспаривания сделки по различным ос-

нованиям, поскольку некоторые сделки могут одновременно и оспоримыми, и ничтожными по разным основаниям, предусмотренным ГК РФ. Представляется важным определить, насколько целесообразным является применение ст. ст. 10, 169 ГК РФ для оспаривания неравноценных сделок при наличии специальных механизмов (а также при их отсутствии).

В работах многих ученых прослеживается вывод о том, что общие механизмы оспаривания не должны подменять специальные (*lex specialis derogat generali*) [16]. В ГК РФ выделены специальные составы для оспаривания сделок, совершенных с неравноценным встречным предоставлением, среди них уже рассмотренные нами кабальные сделки, а также сделки, совершенные представителем (директором) с ущербом для представляемого (п. 1 ст. 174).

При этом складывается тенденция признания сделки с неравноценным встречным предоставлением недействительной по ст. ст. 10, 168 ГК РФ (доктрина значительного ущерба — *laesio enormis*). Данная позиция нашла свое отражение в Постановлении Президиума ВАС от 11.02.2014 г. № 13846/13: «...Условие договора, определяющее предоставление со стороны одного лица, существенно превышающее встречное предоставление или обычную рыночную цену, уплачиваемую в подобных случаях, может свидетельствовать о недобросовестном поведении, являющемся основанием для признания сделки недействительной в соответствии со статьями 10, 168 ГК РФ».

Незадолго до этого ВАС РФ рассмотрел дело «Фонда имущества Москвы» и Кардиологического центра «Переделкино» против общества «Диаманд Групп», где оспаривались крайне невыгодные для общества сделки. В этом деле впервые применено основание для признания договора недействительным в виде ст. 10 ГК РФ, поскольку из обстоятельств дела очевидно следовало, что для отчуждателя имущества сделка носила характер крайней невыгодности, однако не под одно из существующих специальных оснований данная сделка не подпадала [17].

Впоследствии сделки с неравноценным встречным предоставлением также признавались недействительными как заключенные со злоупотреблением правом со стороны одной из сторон. Так, Арбитражным судом Северо-Кавказского округа рассмотрены два дела [18], в рамках которых по ст. ст. 10, 168 ГК РФ признаны ничтожными договоры по передаче земельных участков в субаренду по ставке арендной платы многократно превышающую рыночную стоимость (в одном из дел в 29 раз). Другими словами, суды на основании экспертного заключения о превышении стоимости аренды,

установленной сторонами по отношению к рыночной стоимости, сделали вывод о недобросовестности арендатора и признали сделку ничтожной.

Считаем, что следует подвергнуть сомнению вывод о целесообразности вмешательства в договорные отношения равных (!) сторон, презюмируя злоупотребление одного из субъектов. Представляется, что подобная защита, распространяемая на отношения коммерсантов, является избыточной. Кроме того, контрагенты не являются аффилированными и не находятся в доверительных отношениях, субарендатором не доказано злонамеренное поведение арендатора при проведении переговоров. Отсутствие экономической логики в отношении встречного предоставления по оспариваемой сделке не является вопросом права при отсутствии пороков воли сторон.

К.И. Скловский считает, что рассматриваемое основание не предназначено для признания недействительными по своей сути законных сделок, но в которых можно обнаружить недобросовестное поведение одной из сторон [19]. Автор указывает, что для устойчивости гражданского оборота гораздо более удобным механизмом является изменение или прекращение такого договора. Таким образом, предлагается предельно сократить (читай — исключить) такое основание для признания сделки недействительной, как нарушение законодательного требования о добросовестном поведении участников оборота для целей признания недействительными сделок с неравноценным встречным предоставлением.

Сделка с неравноценным встречным предоставлением, совершенная во вред кредиторам

Как показывает практика, оспаривание сделок, совершенных во вред кредиторам должника, имеет по-прежнему характер, что негативно сказывается на устойчивости гражданского оборота. Закон о банкротстве предоставляет множество оснований для оспаривания сделок (а также иных актов, мировых соглашений), которые негативно влияют на имущественную массу должника. Кроме того, арбитражный управляющий вправе вовсе отказаться от исполнения контракта, условия встречного предоставления которого характеризуются как неравноценные (ст. 102 Закона о банкротстве).

Сразу отметим, что специальные основания для оспаривания сделок в банкротстве и основание, заключенное в комбинации ст. ст. 10, 168 ГК РФ, не конкурируют друг с другом и действуют вполне обособленно, что включает в себе законную возможность пресечь действия лиц, желающих оспорить сделку по общим

основаниям в целях недобросовестного использования процессуального эффекта от такого оспаривания. Вместе с этим важно понимать, что одна и та же сделка может быть и оспариваема, и ничтожна по одинаковым основаниям предусмотренным Законом о банкротстве и ГК РФ. В данном случае представляется бессмысленным доказывать оспоримость соглашения, если оно является ничтожным.

Из содержания п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве следует, что для оспаривания сделок должника, совершенных с неравноценным встречным предоставлением, необходимо установить два объективных обстоятельства — время совершения такой сделки (относительно даты возбуждения производства по делу о банкротстве), а также размер встречного предоставления (или его условия) [20].

Результатом успешного оспаривания сделки по п. 1 ст. 61.2. Закона о банкротстве является возврат все того, что было получено контрагентом в результате заключения сделки по выгодной цене. Однако идея применения реституции при оспаривании сделки, в которой отсутствует субъективный элемент (умысел банкрота и недобросовестность контрагента по сделке) крайне спорна, поскольку наказывать контрагента в данном случае попросту не за что. Поэтому теоретически выглядит более стройной конструкция обязанности контрагента выплатить разницу между стоимостью переданного имущества, указанного в соглашении и размером среднерыночного предоставления [21]. Однако, в настоящее время, суд, применяя последствия недействительности сделки, обязывает контрагента вернуть все полученное по сделке в натуре или же выплатить действительную стоимость имущества на момент заключения сделки. Оба перечисленных варианта влекут необходимость включения бывшего контрагента в реестр требований кредиторов, что не всегда экономически оправданно.

Другой проблемой при оспаривании рассматриваемых сделок является сближение оснований, предусмотренных п. 1 ст. 62.2 и п. 2 ст. 62.2 Закона о банкротстве. Суды зачастую применяют положения п. 2 ст. 62.2 Закона о банкротстве о недобросовестности контрагента к сделкам с неравноценным предоставлением [22].

При этом, сложно согласиться с позицией судов о презумпции недобросовестности при заключении неравноценной сделки коммерческими юридическими лицами. Поскольку получается, что заключаемые на торгах, с целью получения наиболее выгодного предположения договоры становятся крайне рисковыми сделками, особенно в условиях возможного банкротства продавца. Кроме того, это противоречит логи-

ке построения ст. 61.2 Закона о банкротстве, где сделки, заведомо заключаемые в ущерб кредиторам (при учете недобросовестности контрагента), имеют самостоятельное основание (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) для признания их недействительными.

По смыслу нормы, содержащейся в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве неравноценное встречное предоставление является основанием для признания сделки недействительной в случае существенного отклонения цены в худшую для должника сторону, либо если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного таким должником встречного исполнения обязательств.

Суды имеют широкую дискрецию при признании недействительными сделок должника, поскольку в законе нет и не может быть единого критерия существенного отклонения цены [23]. Однако в отсутствии соответствующих разъяснений практика приходит к тому, что с одинаковым успехом могут быть оспорены или оставлены в силе сделки с равной кратностью отклонения встречного предоставления. Так, Верховный суд в одном из недавних определений указал, что разница в 15,5% между совокупной договорной ценой взаимосвязанных сделок и совокупной рыночной стоимостью отчужденного имущества не является существенной, следовательно, такое расхождение не может быть достаточным основанием для признания сделки недействительной по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве [24]. При этом, в другом деле [25] суд признал недействительной сделку, где разница между ценой, указанной в договоре и рыночной ценой на момент заключения сделки, составляла 15,5% [26].

Недействительными также могут быть признаны сделки, по которым встречное предоставление в целом сопоставимо со среднерыночным, однако условия такого предоставления являются невыгодными для должника. Так, в рамках дела о банкротстве ООО «Охотская строительная компания» оспорена сделка по уступке права требования ООО «Рекон» с дисконтом в 20% от номинала права требования. О подобных условиях можно говорить, как о неравноценном встречном предоставлении, хотя разница и не является существенной (превосходящей рыночную в несколько раз). Вместе с тем оплата по договору цессии должна была производиться только в условиях фактического погашения права требования обязанным лицом на условиях отсрочки платежа без предоставления ООО «Рекон» какого-либо обеспечения исполнения обязательства. Суды сделали вывод о том, что заключение договора цессии на указанных условиях ставит должника в невыгодное положение, а также нарушает права кредиторов должника

на получение соразмерного и своевременного удовлетворения своих требований [27].

В п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве также говорится о том, что для целей признания сделки недействительной необходимо сопоставить условия оспариваемой сделки с условиями аналогичных сделок, происходящих **на момент** заключения сделки. Получается, что наиболее объективного вывода об основаниях признания сделки недействительной временной промежуток между сравниваемыми сделками должен быть максимально коротким. При этом проблемным является сопоставление условий сделок, предмет которых обладает высокой степенью ликвидности (нефть, валюта и т.д.) и его цену необходимо отслеживать перманентно ввиду наличия постоянных колебаний.

Кроме того, ни в законе, ни в практике не решен вопрос о том, какие именно сделки принимаются во внимание при сравнении условий: рассматриваются обычно заключаемые сделки в конкретном регионе с учетом конкретной экономической ситуации или же сделки, обычно заключаемые должником. Не решен вопрос и о том, может ли контрагент ссылаться на сделки с аналогичными условиями, заключенными с должником ранее?

Таким образом, при признании сделки недействительной по основанию, указанному в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве ориентируются, прежде всего, на результаты судебной экспертизы, сопоставляя цену контракта и рыночную стоимость предмета договора на момент совершения сделки. Представляется, что в обозримом будущем суды смогут выработать единообразную практику оспаривания сделок по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Подводя итог сказанному, отметим, что гражданское законодательство содержит множество механизмов, которые позволяют признать недействительной, сделку, совершенную с неравноценным встречным предоставлением. При этом каждый из них, содержит

собственный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Практика показывает, что признать сделку с неравноценным встречным предоставлением недействительной можно далеко не всегда. Закон совершит требование о существенном характере неравноценности. Однако оценка чрезмерности ущерба всегда остается на усмотрение судов, которые пока только занимаются разработкой четких критериев.

Для целей признания недействительной сделки, которая совершена в условиях неравноценного встречного предоставления, законом предусмотрены определенные правила, усложняющие процесс доказывания неравноценности. Как видится, данные правила способствуют соблюдению баланса при таком оспаривании в условиях действия принципа свободы договора, которым обусловлена специфика гражданско-правового регулирования.

Учитывая сказанное, представляется, что судебный контроль за размером встречного предоставления должен являться исключительной мерой, например, в случае явно выраженного отклонения условия сделки от того, что обычно принято в обороте (среднерыночного предоставления), а также в том случае, если при совершении сделки с неравноценным встречным предоставлением одной из сторон причинен существенный ущерб. Указанное приобретает особую актуальность для так называемых «слабых сторон сделки». Большинство же участников коммерческого оборота не должны сталкиваться с общегражданскими механизмами признания недействительными сделок, совершенных с неравноценным встречным предоставлением, поскольку такие участники зачастую являются более компетентными в вопросе равноценности, нежели суд (если речь не идет об оспаривании невыгодной сделки, совершенной представителем юридического лица).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. — № 43. — ст. 4190.
2. Карапетов А.Г. «К вопросу о целесообразности включения в российское законодательство нормы о презумпции кабальности сделок с несообразным встречным предоставлением» // Материалы Круглого стола РШЧП «Контроль соразмерности встречного удовлетворения и доктрина Laesio Enormis в свете реформы гражданского законодательства», 14 апреля 2011 г. (Доступ из https://m-logos.ru/mlogos_publication/kruglyi_stol_rshchp_kontrol_sorazmernosti_vstrechnogo_udovletvoreniya_i_doktrina_laesio_enormis_v_sвете_reformy_gragdansкого_zakonodatelstva_14_aprelya_2011_g/).
3. Yildirim A.C. Subjective Reasons of Gross Disparity and the Presumption of Professional Competence: A Contradiction in the Lex Mercatoria?// 15 Murdoch University eLaw Journal. 2008/1. P. 96–97.
4. Сравнительное частное право [Текст]: в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц; [пер. с нем. Ю.М. Юмашева]. — Москва: Международные отношения, 2011. С. 325.
5. Симолин А.А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 117–118.

6. Савранская Д.Д. Кабальные сделки // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 6. 37–38.
7. Эннерцерус Л. Курс германского гражданского права. Кн.1. Издательство иностранной литературы. — Москва. — 1949. С. 270.
8. Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Оспаривание сделки по основаниям ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации // Комментарий судебной практики. Выпуск 12 / Под редакцией К.Б. Ярошенко. М.: Юрид. лит., 2006. С. 31–39.
9. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и формы сделок. Недействительность сделок). 2-е изд. М.: Статут, 2015. С. 169.
10. Там же.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 23.05.2015 г. № 19-КГ17–10.
12. См. например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.02.2020 г. № Ф04–5923/2019 по делу № А75–2201/2019. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>.
13. Савранская Д.Д. Кабальные сделки // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 6. С. 42.
14. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 85.
15. Например, Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26 сентября 2006 г. по делу № А43–3546/2006; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 21 июля 2011 г. по делу № А05–10142/2010. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>
16. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 512 (автор комментария к ст. 168 — А.Г. Карапетов). С. 511–514.
17. «Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2008 год с комментариями» (под ред. А.А. Иванова) («Статут», 2012). Комментарий А.М. Ширвиндта. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
18. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.08.2017 г. № Ф08–5150/2017 по делу № А32–7646/2016. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>.
19. Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2. С. 98.
20. Телюкина М.В. Система подозрительных сделок при банкротстве должника в России и Казахстане // Гражданское право. 2014. № 6. С. 20–24.
21. Определение Верховного суда Российской Федерации от 15 февраля 2019 года № 305-ЭС18–8671 (2) по делу № А40–54535/2017.
22. Определение Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2016 г. № 308-ЭС16–11018. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>.
23. Елисеенко А. Стороны заключили неравноценную сделку. Четыре основания, которые помогут ее оспорить // Журнал РШЧП. Вып. 3. 2018. С. 165.
24. Определение Верховного суда Российской Федерации от 21.11.2019 г. № 306-ЭС-19–12580.
25. Решение Арбитражного суда Поволжского округа от 11.10.2018 г. № Ф06–27256/2017 по делу № А65–17461/2017. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>.
26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.12.2019 г. № Ф05–4676/2–18 по делу № А40–204393/2017. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>.
27. Определение ВС РФ от 26.07.2018 г. № 308-ЭС15–15253(2) по делу А32–13465/2014. Доступ из Электронного ресурса «Картотека арбитражных дел». <https://kad.arbitr.ru>.

© Нуждаева Валерия Васильевна (nuzhdaeva.valerya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»